

**ИДЕОЛОГИЯ И ФЕНОМЕН РЕВОЛЮЦИЙ:
К ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЯВЛЕНИЯ**

Шульц Эдуард Эдуардович, кандидат исторических наук
Центр политических и социальных технологий
Российская Федерация, 121433, г. Москва, ул. Большая Филевская, 55 / 1 / 45
E-mail: nuap1@yandex.ru

Рассмотрена корреляция революционной идеологии и определения явления как особого социально-политического феномена – революции. Актуальность подобных исследований обусловлена слабой разработанностью темы и 100-летним юбилеем Русской революции, в связи с чем исследовательская и общественная мысль снова возвращается к нерешённым и спорным вопросам революций. Методом исследования стал сравнительно-исторический метод и принцип аналогий. Основными выводами могут быть следующие. Шаблон Великой французской революции не может выступать единственным эталоном революций, более того принципы прогрессивности или ретроградности также не имеют отношения к идентификации такого явления, как революция, где необходимо разделять артикулируемые лозунги и глубинную сущность самого явления. Исследование идеологии революции приводит к выводу, что главные составляющие революционной идеологии кроются: 1) в её религиозности; 2) стремлении к построению более совершенного общества – социальной утопии; 3) национализме (в широком понятийном контексте); 4) идее свободы. Идеологические особенности выступают культурными и территориальными особенностями, которые накладывают свой отпечаток на различные революции, но не являются детерминантой.

Ключевые слова: теория революции, социология революции, идеология революций

**IDEOLOGY AND PHENOMENON OF REVOLUTIONS:
TO A PROBLEM OF IDENTIFICATION OF THE PHENOMENON**

Shults Eduard E., Ph.D. (History)
Center of Political and Social Technologies
55 / 1 / 45 B. Filevskaya St., Moscow, 121433, Russian Federation
E-mail: nuap1@yandex.ru

The article is devoted to correlation of revolutionary ideology and determination of the phenomenon as special socio-political phenomenon – revolution. Relevance of similar researches is caused by a weak readiness of a subject and 100-year anniversary of the Russian revolution (due to this the research and social thought comes back to unsolved and controversial issues of revolutions again). The comparative-historical method and the principle of analogies became methods of the research. The main conclusions can be grouped in the following. The template of the Great French revolution can't appear the single standard of revolutions, moreover the principles of progressiveness or retrograde have also no relation to identification of such phenomenon as revolution where it is necessary to separate the articulated slogans and a depth essence of the phenomenon. The research of ideology of revolution leads to a conclusion that the main components of revolutionary ideology are: 1) in its religiousness, 2) aspiration to creation of more perfect society – a social utopia, 3) nationalism (in a wide conceptual context) and 4) the idea of freedom. Ideological features appear cultural and territorial features which leave the mark on different revolutions, but aren't a determinant.

Keywords: theory of revolution, sociology of revolution, ideology of revolution

Израильский социолог Ш. Эйзенштадт писал, что «Великие европейские революции: в Нидерландах, революции 1640 и 1688 гг. в Англии, Американская революция, Великая французская, – создали образ настоящей, чистой революции» [29, p. 173]. Но верно ли возводить эти революции в статус эталона и отказывать всему, что в этот шаблон не вписывается, в определении «революция»?

Далее в идентификации и дефинициях исследователей ведёт отношение к понятию революции, и здесь мы сталкиваемся с серьёзными проблемами. Кроме того, на сегодняшний день нет единого признанного определения «революции» [21], нет согласия в причинах возникновения этого феномена [19] и определении видов и типов [23]. Существуют выработавшиеся стереотипы восприятия революций. Дело в том, что Великая французская революция создала тот образ революции, который стал ассоциироваться с этим понятием. Она настолько

несли в себе сам дух революции и представления об этом явлении, что её стали использовать как мерило, проверяя на эталонность все остальные революции. При этом часто упускается, что все революции происходили в различных исторических реалиях, приобретали национальный характер, несли на себе отпечаток политических и культурных особенностей.

Революции настолько сформировали образ прогрессивного явления, которое двигает государство и общество на принципиально новую более развитую ступень развития, что любое подозрение в проявлениях ретроградности почти автоматически ведёт к исключению тех или иных событий из списка революций.

Попробуем обозначить проблематику, затронув ряд проблем особенностей идеологии революций и тех последствий для обществ, которые они «выстраивают».

Роль идеологии в революциях: их старте, протекании, формах и последствиях, – отмечалась многими исследователями [37, р. 8; 25; 30; 38]. Исследование идеологии революции приводит к выводу, что главные составляющие революционной идеологии кроются: 1) в её религиозности, 2) стремлении к построению более совершенного общества – социальной утопии, 3) национализме (в широком понятийном контексте); 4) идее свободы [22, с. 372, 373–376, 381, 406–408].

Первая буржуазная революция – революция 1566–1609 гг. в Нидерландах – являлась по сути своей войной протестантов (кальвинистов) против католиков и инквизиции, а основной вопрос революции – свобода вероисповедания [5, с. 364–384]. Пуританизм стал идеологией Английской буржуазной революции 1640–1653 гг. [6, с. 19; 9, с. 144]. Религиозные аспекты были характерны и для Американской революции – войны за независимость США (1775–1783 гг.). («Именно вера сформировала американскую идентичность в эпоху революции и оставалась ключевым элементом идентичности на протяжении всей истории США» [17, с. 525].) Великая французская революция была зарождена идеями Просвещения, но «это была революция, которая обеспечивала неожиданную движущую силу светской религиозности...» [26, р. 7]. Недаром Алексис Токвиль считал Французскую революцию политической, но действовавшей «подобно религиозной», поэтому, чтобы понять её, необходимо сравнивать именно с «религиозными революциями» [16, с. 21–22]. Т. Карлейль тоже видел религиозный подтекст во Французской революции, которая, по его мнению, нашла в Руссо своего евангелиста [8, с. 190].

Как писал один из философов Просвещения Поль Анри Гольбах, «древние революции показали её первых Богов, новые революции произведут новых, если старые окажутся позабытыми» [31, р. 297]. «Разрушив старые идола, – писал Франсуа Гизо, – революции торопятся воздвигать новые и гордятся ими» [1, с. 63].

После секуляризации Франции революцией вместо христианства стал насаждаться новый гражданский культ, связанный с празднованием годовщин событий революции и почитанием мучеников революции. В 1791 г. Учредительное собрание создало Пантеон – усыпальницу великих людей, куда были перенесены останки Вольтера, Руссо и захоронены деятели революции (например, Марат). Якобинцы попытались довести до логического конца замену христианства и создание светской религии. 10 ноября 1793 г. состоялось празднование культа Разума, а 7 мая 1794 г. Конвент (по докладу Робеспьера) принял декрет, которым вводилась новая государственная религия – культ Высшего Существа. На следующий день, 8 мая, состоялось помпезное празднование нового культа [7, с. 80–81; 12, с. 311]. Робеспьер фактически стал первосвященником нового культа [7, с. 80–81; 12, с. 313]: «по его предложению декадные праздники посвятили Верховному Существо, Истине, Справедливости, Скромности, Дружбе, Воздержанности, Искренности, Славе, Бессмертию, Несчастью и т.д., наконец, всем нравственным и республиканским добродетелям» [12, с. 311]. Как писал историк Великой французской революции Ф. Минье, «Робеспьер давно уже стоял на той обычной точке, что образованный человек может обойтись без религии, а для народа она необходима. Уже в ноябре 1793 г. он говорит: "Атеизм – аристократичен. Мысль о великом существе, которое охраняет угнетенную невинность, карает торжествующее преступление, в высшей степени народна. Если Бога нет, то его нужно выдумать"» [12, с. 542; 13, с. 73].

Вторая великая (классическая) революция, базирующаяся на философском учении, а не действующей религии, – революция в России 1917–1922 гг. Обе революции проявили огромную схожесть, которая вытекала, на наш взгляд, из идеологии: крайности революции,

фанатизм революционеров, разгул террора против инакомыслящих. Разрушение церквей и монастырей, гонения на служителей культа – это Франция 1792–1794 г. и Россия после 1917 г. [описание французских событий: 2, с. 256–260]. Подобный антагонизм и нетерпимость характерны для столкновений на религиозной почве.

Насколько сильно и яростно любое революционное движение ниспровергает прежних богов и идеологию, насколько агрессивно насаждает новую идеологию и новых богов, само по себе говорит о религиозной составляющей в идеологии революции и необходимости наличия веры. Как писал Гюстав Лебон, «верующие всегда с особенной яростью разбивают богов, которым поклонялись некогда» [10, с. 208].

Главная черта всех крестьянских войн: их идеология базируется на религии. Гуситское движение начала XV в. в Чехии, которое включило в себя городские восстания и крестьянскую войну, по сути своей являлось реформаторским религиозным движением и стало предвестником Реформационного движения начала XVI – середины XVII в. в европейских странах. Энгельс отмечал специфический богословско-теоретический характер «немецкой революции XVI века», к которой он относил Реформацию и крестьянскую войну в Германии 1524–1525 гг. [24, с. 572–573]. Религиозный характер отличал крестьянские войны в России 1606–1607, 1667–1671, 1773–1775 гг., восстание тайпинов в Китае 1850–1864 г. и др. [3, с. 46–48; 4, с. 247, 251; 11, с. 41; 14, с. 516]. Почти все крестьянские войны обладали монархическими иллюзиями – они воевали за «правильного монарха»: поддержать действующего против знати или посадить нового (в том числе процветало самозванство) [4, с. 241, 252; 11, с. 40]. Все масштабные крестьянские войны провозглашали (некоторым из них даже удалось приступить к реализации) принцип переустройства жизни общества на справедливых началах. Примечательно, что когда крестьянские войны становились частью революционного процесса (если речь не идёт о некоторых национально-освободительных революциях), их идеология выходила за обычную принятую религиозность и монархические чаяния, но сохраняла принцип построения более справедливого общества (мексиканские революции, Русская, Кубинская, Китайская в части 30–40-х гг., Вьетнамская и т.д.).

Шмуэль Эйзенштадт справедливо замечал, что утопические взгляды на будущее стали центральным компонентом великих революций: «Великие революции стали первой попыткой осуществить Утопии в жизнь в макросоциальном масштабе, по крайней мере, – добавляет Эйзенштадт, – успешной попыткой» [28, р. 40]. Последнее замечание важно, потому что такие попытки в глобальных масштабах (для своего времени) предпринимались и до великих революций: Реформация, крестьянские войны XVI–XVII вв. и др.

Существует вера, что революции модернизируют или улучшат мир [20; 32, р. 187]. Эта легенда стала новой составляющей идеологии (мифологии) революций в XX в.: модернизация воспринималась как необходимый шаг к процветанию – новому, более лучшему обществу, и эта идея стала замещать другие утопические. Модернизм становится идеологией преобразований, в том числе революций. Как правило, эта основа формируется в сочетании с идеями национализма [18].

Даниэль Конверси высказал мысль, что «если национализм определять, как идеологию, то это самая сильная идеология современной эпохи» [27, р. 28]. Что касается революционной идеологии, то национализм точно становился одной из самых распространённых основ такой идеологии.

Первая буржуазная революция – Нидерландская – по сути являлась национально-освободительным движением против испанского владычества и базировалась на национальной идее в сумме с религиозными различиями. Революция в Америке так и называется – война за независимость. Национальная идея как основа идеологии протестного движения проявилась в национально-освободительной революции в Норвегии в 1814 г., Греческой 1821–1829 гг., 1830 г. в Бельгии и вообще во всех национально-освободительных революциях. Национальный вопрос стал основным в революции 1917 г. для западных территорий Российской империи – Польши, Финляндии, Прибалтики, Западной Украины. Национальная независимость, политическая, экономическая и культурная самостоятельность стали движущей силой революций 1989–1991 гг. в странах «социалистического лагеря» [22, с. 373–375, 381].

Центральной особенностью революционного мифа, которая появилась после ВФР, стала идея свободы, к которой стремится революция [39, р. 7]. Эта идея свободы (освобождения) – как личностной, так и на уровне больших социальных групп и целых народов – стала основой всех последующих революций.

Наиболее часто встречается в идеологии революций сочетание различных составляющих. Так, в Ирландской революции идеологией, как и во всех национально-освободительных, стала национальная независимость, католицизм выступил как фактор самоидентификации и линия раздела с английскими протестантами. В Японии идеологией революции 1868–1869 гг. (Мэйдзиисин) стал национализм и синтоизм. Синкретизм конфуцианства и синтоизма создал в Японии отличные религиозные верования. Императорская династия исторически в Японии имела божественное происхождение, а теперь император был провозглашен живым богом на земле. Дело даже не в том, что император был верховным первосвященником, а в том, что Япония представлялась как государство-семья, где император является родителем и предстоятелем для народа, а подданные относятся к нему с сыновней любовью, японская нация является избранной, имеет высшее предназначение и превосходит все другие.

Пример Иранской революции 1978–1979 гг. приводит многих исследователей к утверждению о необходимости пересмотреть всю теорию революции. Множество исследователей рассматривают Исламскую революцию как «аномалию», которая не соответствовала существующим теориям революции, в первую очередь речь идёт об идеологии этой революции [35, р. 2]. Главным аргументом аномальности Иранской революции, который обосновывает даже исключение её из списка революций, является её очевидная консервативная направленность и задача аятоллы Хомейни и его последователей – восстановить традиционные учреждения и удалить все модернистские реформы, достигнутые с начала 1960-х гг. при шахе [33, р. 91]. Однако анализ этой революции вскрывает, что её особенности не только имеют исторические параллели, но и не очень далеко ушли от так называемых «классических образцов». Иранская революция провозглашала идеи правления угнетаемых, уничтожения бедности, эксплуатации и чрезмерного богатства, борьбы с империализмом Запада и Востока, создания политического и экономического строя, отличного от них [36, р. 191]. Как и все предыдущие и последующие революционеры, лидеры Исламской революции видели будущее в более справедливом государстве, но считали, что идеи справедливости заложены в Коране, которым и необходимо руководствоваться. Революция может осуществляться ради восстановления божественной справедливости, чистоты религии, против искажения положений, данных богом. Равенство и закон считались богом данным правом деятелями Просвещения. Чем это принципиально отличается от исламских идей революции? Совершенное общество было заложено принципами Библии для многих участников Нидерландской, Английской и Американской революций. Деятели Просвещения были уверены, что общественные идеалы, которые они проповедуют, проистекают из общественного договора, первобытного коммунизма, здравого смысла и т.д. Исламская революция видела эти принципы в Коране, а ливийские революционеры считали, что социализм проистекает из Корана.

Как многие революции в других странах, Иранская 1978–1979 гг. выглядит внешне достаточно самобытно. Одно из ярких отличительных особенностей – лидерство духовенства в социальном протесте в 1978–1979 гг., но оно не стало чем-то принципиально новым для Ирана: здесь повторилась история событий 1905–1909 гг. (Подобная форма проявилась и в русских событиях 1905 г. в истории с попом Гапоном, но в Иране это движение было массовым в отличие от России.)

Неприятие Исламской революции, как и Мэйдзиисин, ряда арабских революций и др., психологически понятно: революция – это прогрессивное явление, а раз так, то оно не может быть связано с ретроградными проявлениями. По поводу религии и церкви стереотип вырабатывается в связи с тем, что наиболее яркие примеры революций – те, что берутся в качестве шаблона (ВФР, Русская, Мексиканская, Китайская и др.), выступали со светскими лозунгами, провозглашали отделение церкви от государства и т.д. Интересно, что именно поэтому в Японии после Мэйдзиисин, чтобы не противоречить западному примеру, где религия была отделена от государства, синтоизм перевели из религиозного культа в философское учение. (Примечательно, что «клятва пяти пунктов» Мэйдзи и Панча Сила, ставшие основой конституций

и революционных преобразований в Японии и Индонезии, по форме своей – пяти пунктов, которые необходимо принять и поклясться в исполнении, – заимствуют принцип священных заповедей буддизма.)

Следует задаться вопросом: а сильно ли отличался от этих «аномальных революций» фанатизм бритоголовых пуритан, добровольное восстановление монархии в классической Английской революции и последующая анафема английским обществом этой революции и её прогрессивных идей? Некоторые исследователи отмечают, что идеология Брабантской революции (Бельгия, 1789–1790 гг.) была противоположна тем идеалам Просвещения и Демократии, которые несла Великая французская революция, что и вызывает вопрос о применимости термина «революция» к этим событиям [34, р. 881]. Однако Брабантская революция мало чем отличалась от других национально-освободительных революций, а её не соответствующие идеям Просвещения идеалы не далеко ушли от идеологии Нидерландской революции и революции в той же Бельгии через сорок лет.

Технически революция – это госпереворот на волне социального протеста, после которого, чтобы удержаться у власти, необходимо получить или сохранить социальную поддержку, что ведёт к разнообразным и различным реформам. Здесь артикуляция лозунгов и идей чаще несёт пропагандистскую направленность. Именно пропагандистские потребности привели к появлению таких оригинальных для прежних революций лозунгов и идей, как «арабский социализм», «африканский социализм» и др. «Можно провести параллель и с популистскими теориями в других развивающихся странах, например с обращением М.К. Ганди к древнеиндийской цивилизации, с его проповедью уравнительности, идеализацией института общины. Известный бирманский политический деятель У Ну активно проповедовал “буддийский социализм”, истоки которого он относил к далекому прошлому, эре “дерева Падейты”, когда все люди жили счастливо, “пока не настал век алчности и частной инициативы”» [15, с. 53].

Все революции с различной степенью глубины процесса приносили внешние атрибуты новизны на фоне обязательной революционной риторики, которые могли проявляться во введении нового календаря, новой религии, идеи нового типа человека, новых форм союзов (от семьи до государственных образований), новых социальных форм взаимодействия и др. Революция пропагандирует «светлое будущее» – более совершенное и справедливое общество. Его можно видеть в пуританских идеалах Английской революции, в культе Разума, как Робеспьер, коммунистических идеалах Русской и Китайской революций, в обществе по Корану Исламской революции.

Являются ли идеологические особенности определяющими для применения термина «революция»? Нет. Они остаются культурными и территориальными особенностями, которые накладывают свой отпечаток, но не более, и эти идеологические особенности не являются детерминирующими в определении ни самого феномена революции, ни видов и типов данного явления.

Список литературы

1. Гизо, Ф. История Английской революции / Гизо Ф. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1996. – Т. 1. – 480 с.
2. Доусон, К. Г. Боги революции. (Миф. Религия. Культура) / К. Г. Доусон. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2002. – 332 с.
3. Илюшечкин, В. П. Крестьянская война тайпинов / В. П. Илюшечкин. – Москва : Наука, 1967. – 396 с.
4. Индова, Е. И. Лозунги и требования участников крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. / Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. – Москва : Наука, 1974. – С. 239–269.
5. История Европы. От Средневековья к Новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). – Москва : Наука, 1993. – Т. 3. – 654 с.
6. История Европы. Европа Нового времени (XVII–XVIII века). – Москва : Наука, 1994. – Т. 4. – 509 с.
7. История Европы. От Французской революции конца XVIII века до Первой мировой войны. – Москва : Наука, 2000. – Т. 5. – 667 с.
8. Карлейль, Т. Герои, почитание героев и героическое в истории / Т. Карлейль. – Москва : ЭКСМО, 2008. – 860 с.
9. Лавровский, В. М. Английская буржуазная революция. Некоторые проблемы английской буржуазной революции 40-х годов XVII века / В. М. Лавровский, М. А. Барг. – Москва : Социально-экономическая литература, 1958. – 366 с.

10. Лебон, Г. Психология толп / Г. Лебон, Г. Тард. – Москва : Ин-т психологии РАН, КСП+, 1998. – С. 15–254.
11. Мавродин, В. В. По поводу характера и исторического значения крестьянских войн в России / В. В. Мавродин // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. – Москва : Наука, 1974. – С. 35–51.
12. Минье, Ф. История Французской революции с 1789 по 1814 гг. : пер. с фр. / Ф. Минье. – Москва : Государственная публичная историческая библиотека России, 2006. – 548 с.
13. Робеспьер, М. Об атеизме и политике в вопросах религии. Речь 21 ноября 1793 г. / М. Робеспьер // М. Робеспьер. Избранные произведения : в 3 т. / под ред. А. З. Манфреда. – Москва : Наука, 1965. – Т. 3. – С. 70–77.
14. Смирин, М. М. Народная Реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война / М. М. Смирин. – Москва – Ленинград : АН СССР, 1947. – 532 с.
15. Смирнова, Г. И. Опыт ливийской революции (преобразование социально-экономических и политических структур) / Г. И. Смирнова. – Москва : Наука ; Восточная литература, 1992. – 240 с.
16. Токвиль, А. Старый порядок и революция : пер. с фр. / А. Токвиль. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2008. – 248 с.
17. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности : пер. с англ. / С. Хантингтон. – Москва : АСТ ; Транзиткниг, 2004. – 635 с.
18. Шульц, Э. Э. «Утопия», «национализм» и «интернационализм» как основа радикальных массовых форм социального протеста / Э. Э. Шульц // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 1. – С. 35–43.
19. Шульц, Э. Э. Причины возникновения радикальных форм социального протеста (историографический обзор) / Э. Э. Шульц // Вестник МГУ. Сер. Политология. – 2014. – № 2. – С. 40–51.
20. Шульц, Э. Э. Революции и теория модернизации / Э. Э. Шульц // Вопросы управления. – 2015. – № 6 (37). – С. 18–26.
21. Шульц, Э. Э. Революция: к вопросу об определении термина / Э. Э. Шульц // Социологические исследования. – 2014. – № 4. – С. 132–142.
22. Шульц, Э. Э. Технологии бунта. (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте) / Э. Э. Шульц. – Москва : ПФОП, 2014. – 512 с.
23. Шульц, Э. Э. Типология революций: история создания и современное состояние / Э. Э. Шульц // Человек. Сообщество. Управление. – 2014. – № 1. – С. 65–83.
24. Энгельс, Ф. Заметки о Германии / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2-е. – Москва : Политиздат, 1961. – Т. 18. – С. 571–576.
25. Bouchier, D. Idealism and Revolution: New Ideologies of Liberation in Britain and the United States / D. Bouchier. – New York : Edward Arnold, 1978. – 190 p.
26. Cassels, A. Ideology and International Relations in the Modern World / A. Cassels. – London and New York, 2003. – 320 p.
27. Conversi, D. Modernism and nationalism / D. Conversi // Journal of Political Ideologies. – 2012. – No. 17 (1). – P. 13–34.
28. Eisenstadt, S. N. Fundamentalism, Sectarianism, and Revolution: The Jacobin Dimension of Modernity / S. N. Eisenstadt. – Cambridge University Press, 1999. – 280 p.
29. Eisenstadt, S. N. Revolution and the transformation of societies: a comparative study of civilizations / S. N. Eisenstadt. – New York : Free Press, 1978. – 348 p.
30. Hamid, D. Theology of Discontent: The Ideological Foundations of the Islamic Revolution in Iran / D. Hamid. – New York : University Press, 1993. – 644 p.
31. Holbach, P. The System of Nature: or Laws of the Moral and Physical World / Baron D'Holbach // A New and Improved Edition, with Notes by Diderot. Two volumes in one / transl. by H. D. Robinson. – Boston : Publ. by J. P. Mendum, 1889. – 372 p.
32. Housden, M. Hitler. Study of a revolutionary / M. Housden. – London – New York : Routledge, 2000. – 220 p.
33. Hoveyda, F. The Shah and the Ayatollah. Iranian Mythology and Islamic Revolution / F. Hoveyda. – Westport, Connecticut – London : Praeger, 2003. – 136 p.
34. Israel, J. Democratic Enlightenment: Philosophy, Revolution, and Human Rights 1750–1790 / J. Israel. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – 1100 p.
35. Lafraie, N. Revolutionary Ideology and Islamic Militancy. The Iranian Revolution and Interpretations of the Quran / N. Lafraie. – London – New York : Tauris Academic Studies, 2009. – 288 p.
36. Nomani, F. Class and Labor in Iran: Did the Revolution Matter? / F. Nomani, B. Sohrab – Syracuse – New York : Syracuse University Press, 2006. – 268 p.
37. Parsa, M. States, Ideologies, and Social Revolutions. A Comparative Analysis of Iran, Nicaragua, and the Philippines / M. Parsa. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 326 p.

38. Steger, M. B. *The Rise of the Global Imaginary. Political Ideologies from the French Revolution to the Global War on Terror* / M. B. Steger. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 318 p.
39. Zagorin, P. *Rebels and Rulers, 1500–1600* / P. Zagorin. – Cambridge : Cambridge University Press, 1982. – Vol. 1. *Agrarian and Urban Rebellions: Society, States, and Early Modern Revolution*. – 292 p.

References

1. Guizot F. *Istoriya Angliyskoy revolyutsii* [History of English revolution]. Rostov-on-Don, Pheniks Publ., 1996, vol. 1, 480 p.
2. Dawson C. *Bogi revolyutsii (Mif. Religiya. Kultura)* [Gods of revolution. (Myth. Religion. Culture)]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2002, 332 p.
3. Ilyushechkin, V. P. *Krestianskaya vojna taypinov* [Taypin peasant war]. Moscow, Nauka Publ., 1967, 396 p.
4. Indova E. I., Preobrazhensky A. A., Tikhonov Yu. A. *Lozungi i trebovaniya uchastnikov krestianskikh voyn v Rossii XVII–XVIII vv.* [Slogans and requirements of participants of peasant wars in Russia the 17–18th centuries]. *Krestianskiye voyny v Rossii XVII–XVIII vv.* [Peasant wars in Russia of the 17–18th centuries: problems, searches, decisions]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 239–269.
5. *Istoriya Yevropy* [History of Europe]. Moscow, Nauka Publ., 1993, vol. 3: *From the Middle Ages by Modern times (the end of 15 – the first half of the 17th century)*, 3654 p.
6. *Istoriya Yevropy* [History of Europe]. Moscow, Nauka Publ., 1994, vol. 4: *Europe of Modern times (17–18th century)*. Moscow, Nauka Publ., 1994, 509 p.
7. *Istoriya Yevropy* [History of Europe]. Moscow, Nauka Publ., 2000, vol. 5. *From the French revolution of the end of the 18th century before World War I*. Moscow, Nauka Publ., 2000, 667 p.
8. Karlye T. *Geroy, pochitanie geroev i geroicheskoe v istorii* [Heroes, honoring of heroes and heroic in the history]. Moscow, Eksmo, 2008 Publ., 860 p.
9. Lavrovsky V. M., Barg M. A. *Angliyskaya burzhuaznaya revolyutsia. Nekotorye problem angliyskoy burzhuaznoy revolyutsii 40-kh godov XVII veka* [English bourgeois revolution. Some problems of the English bourgeois revolution of the 40th years of the 17th century]. Moscow, 1958, 366 p.
10. Lebon G., Tard G. *Psikhologiya tolpy* [Psychology of crowds]. Moscow, Institute of psychology of RAS Publ., KSP+ Publ., 1998, pp. 15–254.
11. Mavrodin V. V. *Po povody kharaktera i istoricheskogo znacheniya krestyanskikh voyn v Rossii* [Concerning character and historical value of peasant wars in Russia]. *Krestianskiye voyny v Rossii XVII–XVIII vekov: problemy, poiski, reshenia* [Peasant wars in Russia of the 17–18th centuries: problems, searches, decisions]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 35–51.
12. Mignet F. A. *Istoriya Frantsuzskoy revolyutsii s 1789 po 1814 gg.* [History of the French revolution since 1789 on 1814]. Moscow, State Public Historical Library of Russia, 2006, 548 p.
13. Robespierre M. *Ob ateizme i politike v voprosakh religii* [About atheism and policy in religion questions]. *Robespierre M. Izbrannyye trudy: in 3 vol.* [The chosen works: in 3 vol.]. Moscow, Nauka Publ., 1965, vol. 3, pp. 70–77.
14. Smirin M. M. *Narodnaya reformatsiya Tomasa Myuntsera i Velikaya krestianskaya vojna* [National Reformation of Thomas Myuntser and Great peasant war]. Moscow – Leningrad, AS USSR Publ., 1947, 532 p.
15. Smirnova G. I. *Opyt Livyiskoy revolyutsii (preobrazovanie socialno-ekonomicheskikh i politicheskikh struktur)* [Experience of the Libyan revolution (transformation of social and economic and political structures)]. Moscow, Nauka Publ., 1992, 240 p.
16. Tocqueville A. *Tocqueville A. Staryy porjadok i revolyutsiya* [Old Regime and the revolution]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2008, 248 p.
17. Huntington S. *Kto my? Vyzovy amerikanskoy natsionalnoy identichnosti* [Who are we? Calls of the American national identity]. Moscow, AST Publ., 2004.
18. Shults Ye. Ye. "Utopiya", "natsionalizm" i "internatsionalizm" kak osnova radikalnykh massovykh form sotsialnogo protesta ["Utopia", "nationalism" and "internationalism" as basis of radical mass forms of a social protest]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye i sotsialnye nauki"* [Bulletin of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"], 2015, no. 1, pp. 35–43.
19. Shults Ye. Ye. *Prichiny vozniknoveniya radikalnykh form sotsialnogo protesta (istoriograficheskij obzor)* [Causes of radical forms of social protest (historiographic review)]. *Vestnik MGU. Seriya "Politologiya"* [Bulletin of MSU. Series "Political science"], 2014, no. 2, pp. 40–51.
20. Shults Ye. Ye. *Revoljutsii i teoriya modernizatsii* [Revolutions and theory of modernization]. *Voprosy upravleniya* [Questions of management], 2015, no. 6 (37), pp. 18–26.

21. Shults Ye. Ye. *Revolutsiya: k voprosu ob opredelenii termina* [Revolution: to a question of definition of the term]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological researches], 2014, no. 4, pp. 132–142.
22. Shults Ye. Ye. *Tekhnologii bunta (Tekhnologii upravleniya radikalnymi formami sotsialnogo protesta v politicheskom kontekste)* [Riot Technologies. (Technologies of management of radical forms of social protest in political context)]. Moscow, PFOP Publ., 2014, 512 p.
23. Shults Ye. Ye. *Tipologiya revolyutsiy: istoriya sozdaniya i sovremennoe sostoyanie* [Typology of revolutions: history of creation and current state]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Person. Community. Management], 2014, no. 1, pp. 65–83.
24. Engels F. *Zametki o Germanii* [Notes about Germany]. *Marks K., Engels F. Sochineniya* [Marx K., Engels F. Collected Works]. Moscow, Politizdat Publ., 1961, 2nd ed., pp. 571–576.
25. Bouchier D. *Idealism and Revolution: New Ideologies of Liberation in Britain and the United States*. New York, Edward Arnold Publ., 1978.
26. Cassels A. *Ideology and International Relations in the Modern World*. London and New York, 2003.
27. Conversi D. *Modernism and nationalism*. *Journal of Political Ideologies*, 2012, no. 17 (1), pp. 13–34.
28. Eisenstadt S. N. *Fundamentalism, Sectarianism, and Revolution: The Jacobin Dimension of Modernity*. Cambridge University Press, 1999.
29. Eisenstadt S. N. *Revolution and the transformation of societies: a comparative study of civilizations*. New York, Free Press, 1978.
30. Hamid D. *Theology of Discontent: The Ideological Foundations of the Islamic Revolution in Iran*. New York University Press, 1993.
31. Holbach P. *The System of Nature: or Laws of the Moral and Physical World. By Baron D'Holbach. A New and Improved Edition, with Notes by Diderot. Two volumes in one*. Transl. by H.D. Robinson. Boston, Published by J.P. Mendum, 1889.
32. Housden M. *Hitler. Study of a revolutionary*. London – New York, Routledge Publ., 2000.
33. Hoveyda F. *The Shah and the Ayatollah. Iranian Mythology and Islamic Revolution*. Westport, Connecticut – London, Praeger Publ., 2003.
34. Israel J. *Democratic Enlightenment: Philosophy, Revolution, and Human Rights 1750–1790*. Oxford, Oxford University Press, 2011.
35. Lafiaie N. *Revolutionary Ideology and Islamic Militancy. The Iranian Revolution and Interpretations of the Quran*. London – New York, Tauris Academic Studies Publ., 2009.
36. Nomani F., Sohrab B. *Class and Labor in Iran: Did the Revolution Matter?* Syracuse, New York, Syracuse University Press Publ., 2006.
37. Parsa M. *States, Ideologies, and Social Revolutions. A Comparative Analysis of Iran, Nicaragua, and the Philippines*. Cambridge University Press, 2004.
38. Steger M.B. *The Rise of the Global Imaginary. Political Ideologies from the French Revolution to the Global War on Terror*. Oxford University Press, 2008.
39. Zagorin P. *Rebels and Rulers, 1500–1600: Volume 1, Agrarian and Urban Rebellions: Society, States, and Early Modern Revolution*. Cambridge University Press, 1982, 292 p.